

ПИТИРИМ СОРОКИН

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Питири́м Алекса́ндрович Сороки́н, профессор социологии, прожил в Петербурге лишь 15 лет из 78, отпущенных ему судьбой, но это были самые бурные и богатые событиями годы, которые определили всю его дальнейшую жизнь. Сумрачные аудитории и коридоры Университета, темные улицы, освещенные кострами Февральской революции, камера в Петропавловской крепости, в которой несколько дней он ожидал расстрела, выковали борца, добивающегося своих целей и ценящего в жизни саму жизнь.

ОТРОК ПИТИРИМ

Одна из первых целей, которую поставил перед собой Питири́м Сороки́н, было получение образования. Путь к нему для деревенского мальчишки-зырянина из края Коми был нелегким и долгим.

Сорокин родился 23 января 1889 г. в селе Турья Вологодской губернии и до двенадцатилетнего возраста ходил по окрестным деревням сначала с отцом, затем со старшим братом, ведя жизнь бродячих ремесленников. Они выполняли столярные и малярные работы, золотили церковную утварь и оклады икон. Грамоте его научила простая крестьянка, и в 12 лет он поступил в 4-классную школу, которую окончил за три года. Так он ступил на дорогу к знанию, которая манила на рубеже веков многих, хотя не многие нашли в себе силы пройти ее до конца.

Путь этот был проложен еще в начале XVIII в. отроком Ломоносовым, пришедшим в Петербург с котомкой за плечами. Там он узрел основанный по указу Петра I Университет, где

*Толкотт Парсон,
Питириим Сорокин,
Э.А. Баграмов,
Г.В. Осипов,
Н.И. Геращенко.
Вашингтон.
1962 год.*

преподавало 17 профессоров из Германии, кои выписали себе оттуда же 8 студентов, вскоре разбежавшихся.

Лишь после реформ Александра II, когда была выработана стройная система народного образования (от начальных училищ через гимназии и реальные училища до университетов и институтов), юные Ломоносовы стали не экзотикой, а обыденным фактом российской жизни.

Проблема начального образования была, в основном, разрешена земством, которое сумело создать школу, платя жалованье учителям и финансируя дальнейшее образование талантливых учеников. В 1880 г. на территории европейской России обучалось уже более миллиона детей. Яснополянская школа графа Л.Н. Толстого была одной из очень многих. Некоторые эксперты считали, что с такой динамикой к 1922 г. в России могла бы полностью быть ликвидирована неграмотность.

На рубеже веков в стране были созданы условия для получения полноценного образования теми, кто считал это делом своей жизни, и Сорокин воспользовался данной возможностью в полной мере. Двенадцатилетний крестьянский мальчик захотел стать профессором. Он не знал еще этого слова, но какая-то неведомая сила выбрала именно его из трех братьев и направила по ученой стезе. Братья так и остались полуграмотными, а Питириим шел к поставленной цели, перескакивая порой через две ступеньки.

По окончании второклассной школы (т.е. школы второй ступени) Сорокин благодаря проявленным способностям получил стипендию от губернских властей для продолжения образования в учительской семинарии. Такой путь был вполне нормален для того времени. Годом позже здесь же оказался другой крестьянский мальчишка — Николай Кондратьев. Дружбу с этим приехавшим из-под Кинешмы пареньком, который был на три года его моложе, Сорокин пронес через всю жизнь.

ОТ КОМИ НАРОДА — К КОМИ ПРОФЕССОРУ

Из учительской школы Сорокин и Кондратьев были исключены за революционную деятельность, но мечта получить полноценное образование осталась. Осенью 1907 г. Сорокин приезжает в Петербург, имея в кармане пятьдесят копеек и адрес

единственного знакомого в городе. Уже через два часа этот «скромный» провинциал нашел знакомого и уроки репетиторства с ночлегом и двухразовым питанием. На следующий день он решил и проблему своего дальнейшего образования.

В то время для поступления в университет требовался гимназический аттестат. Подготовиться к сдаче экзаменов экстерном можно было на Черняевских курсах — вечерней школе, названной по имени учредителя, директора и преподавателя А.С. Черняева. Курсы были платными, но Сорокина это не смутило.

Преподаватель курсов Калистрат Фалалеевич Жаков первым из коми-зырян получил звание университетского профессора. Его биография очень напоминает биографию Сорокина. Осенним утром 1907 г. на пороге его квартиры появился парень в косоворотке с небольшой котомкой в руках, который произнес примерно такую фразу: «Моя пришел от коми народа к коми профессору».

Эта великолепная фраза позволила поступить на курсы бесплатно как неимущему и раскрыла перед ним двери многих гостиных, где эту фразу еще долго вспоминали. Окончив школу за два года вместо положенных четырех, Сорокин сдал в Великом Устюге экзамен экстерном и получил, наконец, вождеденный аттестат. Чуть позже получил аттестат в Костроме и Кондратьев, тоже прошедший через Черняевские курсы.

Вернувшись в Петербург, Сорокин выбрал недавно открывшийся Психоневрологический институт. Но спустя год он перевелся в Петербургский университет на юридический факультет (по версии Сорокина, из опасения призыва на военную службу; по архивным документам, вследствие неуплаты за обучение в институте), где снова оказался бок о бок с Кондратьевым.

На смену поколению ученых-аристократов, таких, как М. Туган-Барановский и П. Струве, в Петербург пришли ученые-разночинцы с иными устремлениями, иными проблемами, иным взглядом на мир. Аристократы имели все для того, чтобы погрузиться в науку, но, пройдя через нее, ушли спасать мир. Разночинцы были призваны своими старшими товарищами для того, чтобы спасти мир, но, пройдя через этот соблазн, они все же выбрали интеллектуальное творчество, путь к которому был для них столь тернист.

Намерение Сорокина изучать социологию было затруднено тем, что официально-го курса с таким названием не существовало. Социология была молодой наукой, существовавшей лишь около сорока лет. Она предполагала простое описание жизни общества. Анализ основывался на философии позитивизма О. Конта, последователями которого были учителя Сорокина — Максим Ковалевский и Евгений Де Роберти. Поначалу Сорокин пошел за ними. Впоследствии, изучив колоссальное количество трудов, он стал вырабатывать свой собственный подход, назвав его интегральным.

Впрочем, новое мировоззрение, возникшее на развалинах эмпиризма и позитивизма, пришло не только через чтение книг, но и благодаря активной политической жизни.

ОТ РУССО ДО ГАЛИЛЕЯ

На политическую стезю Сорокин встал в учительской семинарии села Хреново Костромской губернии. Видимо, повлияла смена обстановки. Вместо болот северного края его окружали теперь фабрики и новые знакомые: рабочие, врачи, журналисты, предприниматели. Все кипело и бурлило после русско-японской войны и революции 1905 г. С этого момента в его жизни появилась революционная работа в рядах партии эсеров с ее неперменными атрибутами: агитацией за свержение царизма, арестом, тюремной камерой.

Молодой Сорокин произносил пламенные речи, но зимой 1906 г. его все же арестовали. Четырехмесячное заключение было не столь уж страшным. Политические свободно общались между собой, дискутировали, читали принесенные друзьями книги. Неудивительно, что Сорокин с некоторой ностальгией уже из американского далека вспоминал царские тюрьмы, где можно было отдохнуть от суматошной революционной работы, поговорить с приличными людьми и, наконец, заняться наукой.

После освобождения, еще в революционном пылу, Сорокин принимает решение стать ходяком-агитатором среди фабричных рабочих, то есть распространять эсеровские идеи и организовывать революционные ячейки. Он уезжает в Иваново-Вознесенск и на три месяца становится «товарищем Иваном».

На первый взгляд, кажется странным, что Сорокин, для которого столь важна была именно научная карьера, ушел в революционную работу, чуть не погубившую его. На самом деле никакого противоречия здесь нет. Для него в любом деле был важен момент учительствования, просвещения, наставления на путь истинный. Неважно, где это происходило, — в университетской аудитории или на конспиративной квартире. Он вспоминал, что еще ребенком был кем-то вроде учителя-проповедника на крестьянских посиделках. С большим платом на плечах — имитацией ризы — обсуждал с крестьянами различные духовные и жизненные проблемы и поучал их. В этом смысле почитание агитации как проповеди было сильнее страха смерти.

Впрочем, за три месяца подполья революционный пыл «товарища Ивана» поутих. Вероятно, будь у Сорокина альтернатива — заниматься наукой или политикой, он бы выбрал науку, но Петербург 1910-1914 гг. альтернативы не оставлял. Быть студентом университета в это время однозначно предполагало необходимость быть политиком. Ковалевский и Де Роберти ввели Сорокина в избранный круг политиков, где представляли как «молодого Жан Жака Руссо». Среди своих же братьев-студентов Сорокин оттачивал полемическое мастерство в спорах на дружеских пирушках. Там он подружился с молодыми социал-демократами Караханом и Пятаковым, занявшими при Советской власти важные посты и сыгравшими ключевую роль в его судьбе.

К октябрю 1917 г. Сорокин был членом Временного правительства и секретарем Керенского, одним из редакторов эсеровских газет «Дело народа» и «Воля народа», членом Предпарламента, депутатом Российского крестьянского совета и Учредительного собрания. Правда, в Таврическом дворце он в известный роковой день не был и слов матроса Железняка о карауле, который устал, не слышал. В тот момент Сорокин сидел в Петропавловке с членами Временного правительства и ждал расстрела. В последний день 1917 г. он осознал всю глубину пропасти, в которую падала Россия, но в его душе еще теплилась надежда на благополучный исход.

Примерно с этого времени политические (но не дружеские) пути Сорокина и Кондратьева разошлись. Они каждый по-своему видели будущее России как великой державы. Кондратьев из кресла товарища министра продовольствия перешел в Плановую комиссию Наркома земледелия. Он вышел из рядов эсеров и возглавил созданный в Москве Конъюнктурный институт. Сорокин же не захотел сотрудничать с большевиками и отправился на Север бороться с красным террором.

Там дела сразу не заладились. В район Великого Устюга, где агитировал Сорокин, вернулись большевики и назначили цену за его поимку. Настали самые черные дни в жизни Сорокина. Три осенних месяца он скитался по болотам, не имея крова над головой и питаясь подножным кормом. Когда выпал снег, он понял, что теперь его легко обнаружат по следам, и принял решение сдаться.

В тюремной камере несколько человек были больны тифом, и кое-кто подбирался к ним поближе, считая, что лучше умереть от тифа, чем от пули. Каждый день людей расстреливали, на их место приводили новых. Ждал расстрела и Сорокин, но тут начинается почти детективная история.

В мемуарах Сорокина рассказывается, как к нему в камеру пришел большевистский комиссар — его бывший студент. Он дал знать в Москву старым приятелям Сорокина — Пятакову и Карахану, те вышли на Ленина, и Сорокина отпустили. Отпустили не просто, а в связи с новой линией партии, направленной на сотрудничество с образованными людьми из народа. Эта новая линия была изложена в статье Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» и напечатана в газете «Правда».

На самом деле все оказалось значительно сложнее. Сорокин не стал вторым Джордано Бруно. Он пошел по пути отречения Галилея, подписав письмо о своем выходе из партии эсеров и сложении с себя полномочий депутата. Об этом письме доложили Ленину, оно было перепечатано в «Правде», послужив основой для статьи вождя. Сорокина привезли в Москву и там освободили. Больше политикой он не занимался.

НА ЧЕМОДАНАХ

Вернувшись в Петроград, Сорокин с головой уходит в научную и преподавательскую деятельность. Он читает лекции, работает с научной литературой, много переводит. Но главной его заботой в этот период становится защита диссертации. Сорокин имел на этой почве явный комплекс неполноценности: он — создатель и глава первой кафедры социологии в России, автор лекционных курсов и нескольких учебников, «главный социолог страны», но даже не магистр наук. Положение осложняло и то, что система защит в это время была отменена, предполагались лишь диспуты по поводу научных работ без всякого присуждения степени. Поэтому, когда весной 1922-го состоялся диспут в связи с выходом двухтомной монографии Сорокина «Система социологии», все закончилось «долгими несмолкаемыми аплодисментами» публики. Это сильно осложнило его жизнь в эмиграции, где приходилось длительно объясняться с дотошными европейцами, а затем с американцами, почему у русского профессора нет никаких бумаг, которые подтверждали бы его квалификацию.

В таком унижающем достоинство положении Сорокин оказался совершенно незаслуженно. В это время он действительно был самым крупным авторитетом в области социологии, уже обладавшим теми энциклопедическими знаниями, которыми он поражал своих коллег за границы. В «Системе социологии» не только анализировались предшествующие социологические теории, но давалось и свое видение проблем. Этот труд послужил основой для всей последующей научной деятельности Сорокина, которая с 23 сентября 1922 г. не была более связана с Россией. Именно в этот день уходил поезд, навсегда увозивший Сорокина за границу. История, предшествовавшая отъезду, — еще одно белое пятно в его биографии.

В августе 1922 г. начались аресты деятелей науки и культуры, как потом оказалось, с целью их высылки из России за ненадобность. Петербуржец Сорокин оказался в эти дни в Москве у своего друга Кондратьева, который вскоре был арестован. Сорокина не тронули, хотя по его петроградскому адресу чекисты приходили.

Во имя спасения жизни Сорокин принял решение покинуть страну, но объявиться в петроградском ЧК он не мог: глава Петрограда Григорий Зиновьев был его личным врагом, и в красных газетах была организована настоящая травля профессора Сорокина.

Поэтому он уехал в Москву, где его никто не знал, и буквально заставил чиновника в московском ЧК дать ему на подпись бумагу о собственной депортации. Затем Сорокин отправился к Карахану, который в отсутствие Чичерина исполнял обязанности комиссара по иностранным делам, и попросил об оформлении заграничного паспорта в наивозможно короткий срок. Через день паспорт был готов, и Сорокин с женой оказались в Германии. Похоже, уехал он вовремя. Карахану на заседании Совнаркома «намылили шею» за то, что он отпустил профессора Сорокина за границу. Значит, планы насчет него были другие, и интуиция опять его не подвела.

Сорокин умел трезво оценивать ситуацию и извлекать из нее наибольшую пользу. Он понял главное: ничего хорошего с ним в России уже не произойдет. Он не купился на кажущийся возврат к старой жизни, который сулил НЭП. Кондратьев, напротив, не захотел понять этого. Он тоже мог уехать, но за него заступился комиссариат, и его оставили как ценного работника.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА*

В советские времена, когда насквозь идеологизированная экономическая наука влачила в нашей стране жалкое существование, среди ученых ходила легенда о Николае Кондратьеве — единственном русском экономисте, чье значение вышло далеко за пределы страны. Понятие «большие циклы конъюнктуры» или «кондратьевские циклы»

* Автор — Дмитрий Травин

прочно вошло в мировую науку. Хотя о том, действительно ли такие циклы существуют, весь мир спорит уже много лет, одно можно сказать с уверенностью: за рубежом по индексу цитируемости Кондратьеву нет равных среди россиян.

Его научная судьба действительно напоминает легенду. Тридцатилетний директор института, который ранее писал труды типа «Производство и сбыт масличных семян в связи с интересами крестьянского хозяйства», вдруг выступил с теорией, которая практически переворачивала все сложившиеся взгляды (и не только марксистские) на динамику мировой экономики. Теория была изложена в небольшой статье, подвергшейся ожесточенной критике коллег. Кондратьев отбивался, как мог, и готовил многотомное исследование, которое должно было подтвердить его правоту. Однако привести работу в законченный вид он так и не смог.

В 1927 г. со статьи Г. Зиновьева в «Большевике» началась травля Кондратьева. Конечно, в мировой экономике Зиновьев ничего не понимал, но зато он хорошо осознал, насколько взгляды Кондратьева по вопросу о социалистическом планировании расходились с формировавшейся тогда в большевистской элите линией на сворачивание НЭПа. Ученый-экономист четко видел авантюризм советских планов и прямо об этом говорил. Конечно, он не был либералом, но действенность рыночных законов прекрасно осознавал. По Кондратьеву, план должен был сочетаться с рынком, по учению вождей — вытеснять его. Конфликт становился неизбежен.

В 1930 г. Кондратьев был арестован, в 1932-м — отправлен в Суздальский политизолятор, где спустя шесть лет и был расстрелян. Теория циклов оказалась невольной жертвой полемики по вопросам текущей экономической политики. Фундаментального труда Кондратьев так и не оставил, хотя после его гибели были написаны десятки исследований, в которых экономисты разных стран пытались разобраться в том, что же дал миру этот странный русский — гениальную догадку или глобальную иллюзию?

Теория больших циклов представляла собой развитие концепции учителя Кондратьева — Тутан-Барановского, согласно которой цикличность экономики (подъем — спад) представляет собой не случайность, а закономерное явление. Ученик был первым исследователем, заметившим, что ускорение и торможение экономического развития существует не только на 7-10-летних отрезках времени, но и в глобальном масштабе: примерно четверть века длится бурное развитие, а следующие четверть века — депрессия, сопровождаемая особенно сильными кризисами.

Заметить большие волны было нелегко. Во-первых, к 1920-м гг. полностью завершилось лишь два таких полувековых цикла (ведь промышленный капитализм появился на свет только в конце XVIII в.). Во-вторых, экономическая динамика никогда не происходит в «лабораторных условиях»: войны, революции, стихийные бедствия накладывают серьезный отпечаток на равномерность подъемов и спадов. Разглядеть тенденцию за случайными колебаниями мог лишь ученый высочайшего уровня.

Впрочем, именно нестандартность взгляда на экономическую динамику до сих пор оставляет теорию больших циклов не доказанной статистически. После смерти Кондратьева были Вторая мировая война, корейский, палестинский и вьетнамский конфликты, монополизация нефтяного рынка странами ОПЕК, «буря в пустыне»... Флуктуации по-прежнему забивают тренд.

Но есть и другое. Страшный мировой кризис 70-х гг. извлек из забвения имя Кондратьева. Ведь именно глобальная ломка всего хозяйственного механизма есть лучшее свидетельство того, что большие циклы все же работают. Сегодня, примерно четверть века спустя (!), мир снова находится в ожидании глобального кризиса, предвестником

которого, возможно, стали памятные нам потрясения в России и Юго-Восточной Азии. Если он случится, имя легендарного русского экономиста, не дожившего даже до 50 и почти не оставившего развернутых исследований, наверняка опять окажется в центре бурных дискуссий.

SELFMADEMAN

Пока Кондратьев в России вел бескомпромиссную и безнадежную схватку за идею, Сорокин медленно, но упорно, выстраивал свою новую научную карьеру в непривычных и сперва казалось бы неблагоприятных условиях зарубежья.

В Берлине Сорокин не задержался. Он получил приглашение своего друга, президента Чехословакии Масарика, приехать в Прагу в качестве официального гостя страны. Там ему дали специальную стипендию, как и другим русским ученым, но она проблемы не решала. В Праге Сорокину просто нечего было делать. Можно было с утра до вечера работать в библиотеках или заседать в эмигрантских комиссиях, споря до хрипоты, когда же, наконец, падет власть большевиков. Но все это было бесперспективно. Трезвый ум Сорокина подсказывал ему, что большевики пришли действительно «всерьез и надолго». Значит, надо было строить жизнь, исходя из этого факта.

Возможно, что Сорокин остался бы преподавать в одном из чешских вузов, если бы не приглашение из Америки. Оно поступило от социологов Хайеса и Росса, чьи работы он переводил еще в революционном Петрограде. Сорокин должен был прочесть серию лекций о русской революции в ряде американских университетов.

Это был шанс продолжить научную деятельность, стать материально независимым и просто начать жить нормальной человеческой жизнью. Была еще одна причина, по которой Сорокин не мог более оставаться в Европе, где осело большинство эмигрантов.

После истории с отречением от своих убеждений Сорокин оказался, по сути, в человеческой изоляции. Большинство его соратников и друзей перестали подавать ему руку. Он мог начать новую жизнь только в новой стране, где очень немногие знали его лично, и этот, возможно, последний шанс нельзя было упустить. Оставив жену на время в Чехословакии, Сорокин сел на пароход и отправился навстречу Америке.

Здесь ему предстояло мобилизовать все свои силы, энергию, ум для доказательства того, что профессор Сорокин совершенно необходим американской науке и американскому народу. И он это сделал. За год жизни в Америке он прочитал несколько десятков лекций в общественных организациях, написал ряд статей, заключил контракт на чтение лекций в различных колледжах и университетах, закончил рукопись о социологии революций и, главное, изучил английский язык настолько, что мог уже читать на нем лекции.

В итоге он был приглашен на место профессора в университет Миннесоты. Это была победа. Здесь, среди бесчисленных озер и бескрайних полей, так напоминавших ему Россию, он провел с женой шесть счастливых лет. Здесь он написал «Социальную мобильность», работу, которая заставила говорить о нем как о «новой звезде» в американской социологии.

Состояние американской социологии в двадцатые годы было несколько двусмысленным. С одной стороны, имелось понимание того, что социология способна помочь разобраться в многочисленных проблемах страны, с другой — отсутствовали реальные

основы для таких претензий. В американских исследовательских центрах много занимались, по выражению Сорокина, «социологией пустяков», не уделяя достаточного внимания теориям высшего и среднего уровней.

Кроме того, сказывалось совершенное незнание европейской социологии, имеющее этакий презрительный подтекст: ну, чему еще они там, в старой Европе, могут нас научить? «Социальная мобильность» Сорокина сразу же показала высочайший уровень и потенциал европейской социологии и, по сути дела, стала поворотным пунктом для социологии американской.

В это время в ней господствовал миф о бесклассовости американского общества, который базировался на вере в индивидуализм. Такая постановка вопроса вполне устраивала среднего американца, где-то случайно слышавшего о теории классовой борьбы Маркса. Такой американец вовсе не хотел, чтобы его поставили к стенке как «чуждого элемента» только за то, что он умеет зарабатывать деньги. Поэтому социология всячески сопротивлялась любым попыткам разделить общество на группы, видя в этом угрозу передела собственности. А на нет, как говорится, и суда нет.

Сорокин показал и доказал, что любое общество делится на организованные социальные группы — страты, в которых люди обладают неодинаковым статусом. И это совсем не страшно, потому что без всяких революционных катаклизмов человек может поменять свой социальный статус. Все страты как бы пронизаны социальными лифтами, которые осуществляют мобильность, то есть возможность изменить свой статус по горизонтали и по вертикали. Это — основная идея работы, и она кажется нам сейчас вполне тривиальной. Но тогда она явила собой эффект разорвавшейся бомбы, после нее уже нельзя было писать по-старому.

Вскоре Сорокин представил еще одну возможность заговорить о себе. Он издал учебник «Социологические теории современности», в котором в полной мере проявил свои энциклопедические познания в области истории социологии. Перед американцами была развернута ярчайшая палитра европейских социологических теорий, систематизированная и откомментированная профессионалом, который знал о них не понаслышке. Как результат, Сорокину было предложено организовать в Гарвардском университете кафедру социологии и возглавить ее. Спустя год кафедра была преобразована в факультет социологии, деканом которого Сорокин был 12 лет.

ОН — РУССКИЙ, И ЭТО МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТ

Здесь, в стенах Гарварда, увидел свет колоссальный труд, пожалуй, самый известный среди работ Сорокина, его *credo*. Страна небоскребов вдохновила его на создание самого большого в мире четырехтомного исследования «Социальная и культурная динамика».

Сорокин занялся социологией культуры. Его не устраивали ни теория линейного прогресса, ни концепция локальных, ничем между собой не связанных, цивилизаций Освальда Шпенглера, которая предполагала в конечном итоге конец человеческой культуры. Он предложил третий вариант, не грозящий непременно гибелью.

По мысли Сорокина, в истории культуры чередуются два ее возможных варианта. В основе культуры лежат либо идеи, и тогда она возвышенна, наполнена глубоким содержанием, тогда сердца людей устремлены к Богу. Либо людьми, и их культурой правит разум, который, с одной стороны, подвигает их на научные открытия, а с другой, толкает в пропасть безверия, прагматизма и чувственности.

Мы находимся сейчас в конце чувственной эпохи со всеми вытекающими из этого характеристиками: упадком нравов, кризисом в искусстве, науке, религии, войнами и революциями. Но это не конец цивилизации, и если человечество не погубит себя собственными руками в мировой атомной войне, впереди у нас вновь забрезжит светлое царство идей.

Для подтверждения своей теории Сорокин привлек колоссальный эмпирический материал и огромное количество людей для его обработки (что дало кусок хлеба многим русским эмигрантам). Они рылись в библиотеках, пытались выяснить, сколько пейзажей и портретов было написано с Рождества Христова по столетиям до наших дней, как по векам распределялись изобретения и научные открытия, каковы были основополагающие этические и правовые нормы при царе Хаммурапи и в кодексе Наполеона. Все это было сведено в таблицы и отражено в графиках. (Сорокин боготворил статистические таблицы и любил повторять, что Платону за его «Республику» не дали бы ученой степени, потому что там не было статистики).

Другой *idée fixe* было бичевание современной ему культуры. Сорокин не жалел красок, описывая пропасть, в которой влачит жалкое существование наша чувственная культура, прозябающая под лозунгом «Вино, женщины и песня». Он негодовал по поводу того, что героями литературных произведений стали «извращенные и психически нездоровые характеры Хэмингуэя и Стейнбека, Чехова и Горького, д'Аннунцио и т.п., состоящие из сумасшедших и преступников, лжецов и подлецов, отщепенцев рода человеческого, рассыпанные среди посредственностей».

Таким образом, в «Социокультурной динамике» как бы два пласта: первый — теоретический, рассматривающий развитие культур как циклический процесс. Второй — ригористический, брюзжание еще не старого человека по поводу того, как плох сей мир. К сожалению, вся последующая научная деятельность Сорокина связана с развитием именно этого второго пласта.

Выйдя в 1959 г. на пенсию, Сорокин не уходит из науки и общественной деятельности. Отныне он выступает в роли пророка, предостерегающего человечество от угрозы гибели, бичующего пороки современного общества и указывающего путь к спасению. Для этой цели был создан Гарвардский исследовательский центр по созидательному альтруизму. Он ставил своей целью, во-первых, сформулировать определение бескорыстной созидательной любви и, во-вторых, изучить эффективные приемы и условия формирования альтруизма. Для этого были проанализированы жития 4 600 христианских святых, которые учитывались по полу, возрасту, семейному положению, профессиональному и социальному статусу, уровню образования, состоянию здоровья, месту жительства, национальной принадлежности, а также пути, которым они пришли к святости. Глава фармацевтической корпорации (и созидательный альтруист) Эли Лилли выделил на это исследование 120 тысяч долларов.

Сорокин так и не стал стопроцентным американцем, несмотря на то, что прожил в Америке почти пятьдесят лет. Он всегда оставался русским, и этим пытались объяснить все причуды профессора. Сам он (вполне возможно, сознательно) утрировал свою чужаковатость. В воспоминаниях студентов и коллег он остался таким Савонаролой, который произносил не лекцию, а проповедь. Он исписывал иероглифами три доски, которые висели в аудитории, и клубы меловой пыли еще долго парили в воздухе. Для него не было никаких авторитетов, от него постоянно слышали реплики типа: «Джон Дьюи! Ну, прочел я одну его книгу. Прочел другую. Прочел, наконец, третью. Ну нет в них

ничего такого!». Или: «Вот статья моего друга Ландберга по вопросу, в котором он ничего не смыслит».

Для американцев оказалась совершенно чужда та сторона деятельности Сорокина, в которой рассматривались вопросы религии и этики. Им было невдомек, что тот не русский, кто не пытается разрешить вечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». В результате Сорокин навсегда остался «волком-одиночкой», у него не было школы и учеников, он учил самым фактом своего существования. Когда он умер в 1968 г. на 79-м году жизни, его коллеги подписали некролог, в котором отмечалась двойственность натуры Сорокина и его научной деятельности: «Сорокин был колоритным человеком весьма колоритной судьбы. Его долгое руководство факультетом социологии, в сочетании с книгами двадцатых годов, способствовали воспитанию плеяды выдающихся исследователей. Хотя факультет был небольшим, его интеллектуальное влияние было неимоверно сильным. Сам глава факультета был противоречивой фигурой и постоянно занимался созданными или обнаруженными противоречиями. Как лектор он был несравненный актер, русский акцент увеличивал картинность и красочность его речи. Любовь к России и русскому была постоянна в течение всей его жизни. Его влияние на социальные науки через его книги и преподавание будет необычайным».

Сорокин так и не нашел понимания своих исканий в чужой стране. Если бы не революция, он остался бы в Петербурге, в профессорской квартире на Большом проспекте, и его старый друг Кондратьев, конечно же, согласился бы с ним, что Правда всегда существует в трех ипостасях: Истины, Справедливости и Красоты. И это есть Любовь.